

84(2Рос=Рус)6-4
А-91

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Прокляты и убиты

СА-313082

Виктор
Астафьев
Прокляты и убиты

с а 313082

Москва

2009

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.К. КРУПСКОЙ"

Содержание

РАССКАЖУ О СЕБЕ САМ...

Автобиография

7

ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Чертова яма

25

КНИГА ВТОРАЯ

Плацдарм

335

КОММЕНТАРИИ

807

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧЕРТОВА ЯМА

Если же друг друга угрызаете
и съедаете,
Берегитесь, чтобы вы не были
истреблены друг другом.

Святой апостол Павел

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Поезд мерзло хрустнул, сжался, взвизгнул и, как бы изнемогиши в долгом непрерывном беге, скрипя, постреливая, начал распускаться всем тяжелым железом. Под колесами щелкала мерзлая галька, на рельсы оседала белая пыль, на всем железе и на вагонах, до самых окон, налип серый, зябкий бус, и весь поезд, словно бы из запредельных далей прибывший, съежился от усталости и стужи.

Вокруг поезда, спереди и сзади, тоже зябко. Недвижным туманом окутано было пространство, в котором остановился поезд. Небо и земля едва угадывались. Их смешало и соединило стылым мороком. На всем, на всем, что было и не было вокруг, царило беспросветное отчуждение, неземная пустынность, в которой царапалась слабеющей лапой, источившимся когтем неведомая, дух испускающая тварь, да резко пронзало оцепенелую мглу краткими щелчками и старческим хрустом, похожим на остатный чахоточный кашель, переходящий в чуть слышный шелест отлетающей души.

Так мог звучать зимний, морозом скованный лес, дышащий в себе, боящийся лишнего, неосторожного движения, глубокого вдоха и выдоха, от которого может разорваться древесная плоть до самой сердцевины. Ветви, хвоя, зеленые лапки, от холода острые, хрупкие, сами собой отмирая, падали и падали, засоряли лесной снег, по пути цепляясь за все встречные родные ветви, превращались в никому не нужный хлам, в деревянное крошево, годное лишь на строительство муравейников и гнезд тяжелым, черным птицам.

Но лес нигде не проглядывался, не проступал, лишь угадывался в том месте, где морозная наволочь была особенно густа, особенно непроглядна. Оттуда накатывала едва ощутимая волна, покойное дыхание настойчивой жизни, несогласие с омертвелым покоем, сковавшим Божий мир. Оттуда, именно оттуда, где угадывался лес и что-то еще там дышало, из серого пространства, слышался словно бы на исходном дыхании выпускаемый вой. Он ширился, нарастал, заполнял собою отдаленную землю, скрытое небо, все явственней обозначаясь пронзающей сердце мелодией. Из туманного мира, с небес, не иначе, тот отдаленно звучащий вой едва проникал в душные, сыро парящие вагоны, но галдевшие, похохатывающие, храпящие, поющие новобранцы постепенно стихали, вслушивались во все нарастающий звук, неумолимо надвигающийся непрерывный звук.

Лешка Шестаков, угревшийся на верхней, багажной, полке, недоверчиво сдвинул шапку с уха: во вселенском вое или стоне проступали шаги, грохот огромного строя — сразу перестало стрелять в зубы от железа, все еще секущегося на трескучем морозе, спину скорбило страхом, жутью, знобящим восторгом. Не сразу, не вдруг новобранцы поняли, что там, за стенами вагона, туманный мерзлый мир не воет, он поет.

Когда новобранцев выгоняли из вагонов какие-то равнодушно-злые люди в ношенной военной форме и выстраивали их подле поезда, обляпанного белым, разбивали на десятки, затем приказали следовать за ними, новобранцы все вертели головами, стараясь понять: где поют? кто поет? почему поют?

Лишь приблизившись к сосновому лесу, осадившему теплыми вершинами зимний туман, сперва черно, затем зелено засветившемуся в сером недвижном мире, новобранцы увидели со всех сторон из непроглядной мглы накатывающие под сень сосняков, устало качающиеся на ходу людские волны, соединенные в ряды, в сомкнутые колонны. Шатким строем шагающие люди не по своей воле и охоте исторгали ртами белый пар, вослед которому вылетал тот самый жуткий вой, складываясь в медленные, протяжные звуки и слова, которые скорее угадывались, но не различались: «Шли по степи полки со славой громкой», «Раз-два-

три, Маруся, скоро я к тебе вернусь», «Чайка смело пролетела над седой волной», «Ой да вспомним, братцы вы кубанцы, двадцать перво сентября», «Эх, тачанка-полтавчанка — все четыре колеса-а-а-а».

Знакомые по школе нехитрые слова песен, исторгаемые шершавыми, простуженными глотками, еще более стискивали и без того сжавшееся сердце. Безвестность, недобрые предчувствия и этот вот хриплый ор под грохот мерзлой солдатской обуви. Но под сенью соснового леса звук грозных шагов гасило размичканным песком, сомкнутыми кронами вершин, собирало воедино, объединяло и смягчало человеческие голоса. Песни звучали бодрее, звонче, может, еще и оттого, что роты, возвращающиеся с изнурительных военных занятий, приближались к казармам, к теплу и отдыху.

И вдруг дужкой железного замка захлестнуло сердце: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой...» — грозная поступь заняла даль и близь, она властвовала над всем остывшим, покорившимся миром, гасила, снимала все другие, слабые звуки, все другие песни, и треск деревьев, и скрип полозницы, и далекие гудки паровозов — только грохающий, все нарастающий тупой шаг накатывал со всех сторон и вроде бы даже с неба, спаянного с землею звенящей стужей. Разрозненно бредущие новобранцы, сами того не заметив, соединились в строй, начали хлопать обувью по растоптанной, смешанной со снегом песчаной дороге в лад грозной той песне, и чудилось им: во вдавленных каблуками ямках светилась не размичканная брусника, но вражеская кровь.

Солдаты, угрюмо несущие на плечах и загорбках винтовки, станки и стволы пулеметов, плиты минометов, за ветви задевающие и снег роняющие пэтээры с нашлепками на концах, похожими на сгнившие черепа диковинных птиц, шли вроде бы не с занятий, на бой они шли, на кровавую битву, и не устало бредущее по сосняку войско всаживало в колеблющийся песок стоптанные каблуки старой обуви, а люди, полные мощи и гнева, с лицами, обожженными не стужей, а пламенем битв, и веяло от них великой силой, которую не понять, не объяснить, лишь почувствовать возможно и сразу подобраться в себе, ощутив свое

КНИГА II

ПЛАЦДАРМ

Вы слышали, что сказано древним:

«Не убивай. Кто же убьет,
подлежит суду».

А Я говорю вам, что всякий,
гневающийся

на брата своего напрасно,
подлежит суду...

От Матфея, 5, 21-22

НАКАНУНЕ ПЕРЕПРАВЫ

В прозрачный осенний день, взбодренный первым студеным утренником, от которого до высокого солнца сверкал всюду иней и до полудни белело под деревьями, за огородами частоколов, в заустенье хат, передовые части двух советских фронтов вышли к берегу Великой реки и, словно бы не веря себе, утихли возле большой воды — самой главной преграды на пути к чужим землям, к другим таким же рекам-преградам. Но те реки текли уже за пределами русской земли, и до них было еще очень-очень далеко.

Главные силы боевых фронтов — армии, корпуса и полки — были еще в пути к Великой реке, они еще сбивали по флангам группировки и сосредоточения фашистских войск, не успевших уйти за реку, дающим возможность отступившим частям закрепиться там, построить очередной непреодолимый оборонительный вал. В редких полуистребленных лесках и садах, боязливо отодвинувшихся от оловянно засветившейся осенней воды, опадали листья, с дубов они сползали, жестяно звеня, скоробленные, лежали вокруг деревьев, шебуршали под ногами. Где-то урчали голуби и, гоняясь друг за другом, выметывались из кущи леса, искрами вертелись в прозрачном воздухе, вернувшись в лес, весело и шумно усаживались на ветви, ворохами спуская с них подмороженный, начинающий на солнце волгнуть, истомленный лист. За издырявленной огнем, полуразрушенной деревенькой-хуторком, разбежавшимся по берегу реки, в мятых, полуубранных овсах вдруг зачуфыркал припоздалый тетерев; семена ножками, ровняя по-пехотному шаг, петух направился к воде, пятная заиндевелый, сверкающий берег крестиками следов. Прячась за камешками,

комочками, суетливо скатился на берег табунок отяжелевших куропаток, что-то домашнее, свое, птичье наговаривая. Пересыпая звуки, пощелкивая клювами, куропатки попили воды из реки и здесь же, у кромки берега, сомлело задремали под солнцем, припав пуховыми брюшками к обсыхающей мелкой траве.

Пришедший к реке Лешка Шестаков, стараясь не спугнуть птиц, начерпал в котелки водички, пил из посудинки, кося глазом на уютно прикорнувших куропаток, почти вдвое увеличившихся, потолстевших от того, что растопорщили они короткие крылья и перо, пуская в подпушек, к телу бодрящую прохладу.

Река оказалась не такой уж и широкой, как это явствовало из географии и других книжек: «Не каждая птица долетит до середины...» Обь возле родных Шурышкар куда как шире и полноводней, в разлив берегов глазом не достанешь.

Противоположный берег реки, где располагалось вражеское войско, пустынен и молчалив. Был он высок, оцарапан расщелинами, неровен, но тоже сверкал инеем, уже обтаявшим и обнажившим трещины, провалы и лога, вдали превращающиеся в ветвистые, пустынные овраги. Перерезая тонкие и глубокие жилы оврагов, вершинами выходящие в поля, к селениям и садам, овраги с шерсткой бурьянов, кустарников и отдельных, норовисто и прямо растущих ветел, да по кособору разбежавшемуся приземистому соснячку, выделялся точно линейкой отчеркнутый рыжий ров. К нему из жилых мест, меж растительной дурнины и кустарника тянулись линии окопов, вилючие жилы тропок, свежо пестрели по брустверам, накрытым опавшей листвой, огневые позиции, пулеметные гнезда, щели, ячейки, сверкнула и на мгновение зажглась лешачьим глазом буссоль, или стереотруба, взблеснула каска, котелок ли, может, и минометная труба, по заросшей тропке цепочкой пробежали и скрылись в оврагах люди. На пустеющих, недоубранных полях появились кони, у самого почти берега отчетливо заговорило радио на чужом языке, затопилась кухня. Веселый дым — топят кухню сухой сосновой ломью — заполнял ветвистый распадок какой-то речушки, дым шел не вверх, не в небо, он вместе с вилючей речкою стелился по извилистой пойме и вытекал потоком из широко рас-

пахнутого, зевастого распадка к реке, скапливаясь над большой водой, густел, превращаясь в одинокую, неприкаянную тучку.

Там, на далекой, такой далекой, что и памятью с трудом достанешь, на родной Оби, по низкобережным просторам, к осени, когда пойдет «в трубу вода», — так же вот обнажаются земные жилы и жилочки, наполненные водой, и такой они образуют узор, такое дерево из множества загогулин, отводок, проточек, русел и просто луж, что не дай тебе Бог по неопытности забраться в глубь материка с лодкой: можешь так заплутаться, что и не выплывешь назад, к тому, единственному стволу этого многоверстного дерева, которое, объединив и срастив ветви все вместе, корнем, стволом ли глубоко проламывает берег Оби. Вся разбредшаяся по земле вода единой массой, объединенной силой сливается с родительницей, вволю погулявшей на просторах, и вот перед зимою, успокоенная, мутная, — все это водяное дерево, коих тысячи тысяч, — вся вилючая вода ручьями и ручейками, стекающими сорами, подпачивает к Оби на пригретое мелководье, покрытое пыреем и осокой, да кое-где высоким, на бамбук похожим тальником и цепким смородинником, вольно все лето на просторах жировавшую рыбу. Кишит, толкается, кипит в осенних сорах рыба, спеша до заморозков, до льда выйти в Обь, залечь на глубины. Много беспечной молодежи обсыхает и гибнет осенью, но еще больше успевает скатиться на зимовальные, сонные места, залечь в глубинах.

В эту пору, в сентябре, в низовьях Оби начинается сенокос и жирование птицы, сбивающейся в табуны. Грязь непролазная, гибельная грязь по берегам, островам и опечкам. Без лодки, без трапа, без досок, без прутяных матов и настилов на берег не сунешься. Птице же — самое раздолье, по вязкой пульпе бродят, роются, будто в черной икре, лебеди, гуси, утки, болотные курочки, кулики и чайки, выбирают клювами из клейкой жижи корм, вороны и чайки бандами налетают на луга, выедавая в мелких лужах, в обсыхающих сорах рыбью мелкоту. Корма так много, что отяжелевшие птицы порой не могут взлететь, сытой усталостью объятые, тут же, в грязи, но чаще в траве, на кустах дремлют, набираясь сил и тела перед отлетом в далекие страны.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48